

ности состоянием окружающей среды данного локального объекта, а с другой – степень их усилий и, в целом, работы по сохранению уникального объекта» (компонентные ядра «Л» и «У»).

Таким образом, формируется верхняя горизонталь: «Осознавая уникальность природного объекта и уровень озабоченности людей его состоянием, я начинаю гордиться уникальностью родного края и людьми, которые желают сохранить его богатства, а также тем, что я к этому причастен» (компонентное ядро «Г»).

Компонентные ядра нижней горизонтали дополняются центральным «О»: «Осознавая хрупкость природы и степень усилий, направленных на ее сохранение, я чувствую собственную **ответственность**, в меньших и больших масштабах, за ее состояние в будущем».

Чувства гордости и ответственности становятся катализаторами личностных трансформаций и превращения «Я-до» в «Я-после», а именно позитивного психологического развития, личностного роста, изменений в поведении и привычках, изменений во взглядах на ценность окружающего мира и свою «нужность» этому миру, который следует беречь как свой родной дом. Мой край – мой дом, а как известно с древних времен, *domus propria domus optima*.

Таким образом, становится очевидным, что включение в подобные научно-образовательные проекты помогает не только развивать экологическую культуру и удовлетворять на экологически грамотном уровне интерес молодежи к природным ресурсам края, новым современным технологиям устройства объектов туристического и рекреационного значения, но и формировать новые ценностные ориентиры, воспитывать достойных граждан страны, готовых внести свой вклад в ее развитие и процветание.

А. И. Белашов **К 100-ЛЕТИЮ КАМЧАТСКОЙ ЕПАРХИИ (1916–2016 гг.)**

Справка. В 1916 г. впервые за всю историю православия на Камчатке на ее территории образуется архиерейская кафедра с викарным епископом в г. Петропавловске. По указу его императорского величества Святейший Правительствующий Синод 23 августа 1916 г. принял решение об учреждении во Владивостокской епархии, в Камчатской области, кафедры викарного епископа, «с присвоением ему именованья Петропавловским и о бытии Начальнику Камчатской духовной миссии архимандриту Нестору епископом Петропавловским с тем, чтобы наречение и посвящение его в сан епископа произведено было во Владивостоке» (1).

Хиротония во епископа Камчатского архимандрита Нестора состоялась 16 октября 1916 г. Акт архиерейского рукоположения не в столице, а на периферии, на территории Дальнего Востока, был совершен впервые в истории Русской православной церкви и до сего времени является единственным уникальным фактом.

В благочиниях уездов Гижигинского, Петропавловского, Анадырского, Командорского, входивших в состав Камчатской губернии и Владивостокской епархии, в 1916 г. функционировали 15 церквей, 41 часовня и 29 церковно-приходских школ.

Численность населения составляла около 34,5 чел. (около 42 % из них коренное население) (2).

С 1923 по 1931 г. советской властью на Камчатке были закрыты: 63 культовых учреждения (в т. ч. кафедральный собор, 29 церквей, 31 часовня, 2 молитвенных дома), 29 церковно-приходских школ, репрессировано более 45 человек из числа духовенства, клириков, активистов православных общин. Из них: несколько человек были высланы с Камчатки, другие получили от 3 до 10 лет лагерей, 11 человек расстреляны.

Среди репрессированных 20 церковнослужителей, клириков, учителей и мирян были представителями коренного населения (3).

Власть Камчатки одной из первых в СССР доложила, что с Церковью на полуострове покончено!

Но не все так просто было в регионе, населенном аборигенными народами. Проводя в жизнь декрет ЦИК об «Отделении церкви от государства», местные власти должны были осуществлять на территории также и национальную политику. «Темные, дикие, подверженные влиянию шаманов», как называли коренных жителей руководители рай- и волревкомов, не хотели расставаться со своими батюшками, церквями, часовнями и школами. Воспитанные Даниилом Шерстенниковым

(благочинный камчатских церквей и приходов), иеромонахом Нестором – начальником Камчатской духовной миссии (впоследствии епископ), священниками, псаломщиками и учителями из авторитетных корякских и ительменских родов Коллеговых, Логиновых и Лонгиновых, они не хотели возвращаться в язычество. Они желали остаться в православном вероисповедании и боролись за это.

Факты о сложности и драматичности этого периода черпаем из документов советской власти.

Тигильское волостное руководство в своем секретном докладе информировало Губревком и ГПУ:

«Секретно. Окринструкт. для отчета. Копия.

Доклад 1/X 24 г.

Два адреса РКП и Г. П. У.

<...>

...В настоящее время проезжая по камчадалским селениям[,] встретишь в каждом доме веру (молитва «Символ веры». – А. Б.)[,] и все стены оклеены церковным писанием. Двойственность религии[,] т. е. православие и шаманство, указывает[,] что религия не так крепка, так как православная не так давно, а к шаманству применялись меры царским правительством. Я думаю, если бы не было попов[,] то в некоторых селениях, более отсталых, православная религия быстро бы умерла.

Особенно крепка православная религия – это в селениях Тигиль и Палана[,] где имеются попы (речь идет о священниках Николае Мирошкине и Николае Лонгинове, соответственно. – А. Б.) и население исповедуется одной религии. В Палане большинство оседлых коряк хоть и занимается шаманством, но там имеется заядлый поп[,] поддерживаемый своими сродственниками Логиновыми и Косыгиновыми, таких семей насчитывается 10 и сильно религиозны.

Указанные сродственники всецело держат под своим давлением коряк села Палана и эксплуатируют таковых. Как тот, так и другой поп пользуются авторитетом от населения...» (4).

Что только не предпринимали руководители рай- и сельревкомов и работники НКВД: проводили ежемесячные перерегистрации обществ верующих, запугивали, вызывая в кабинеты отдельных авторитетных сельчан, на собрания верующих приходили с наганами, обманывали (при составлении протокола вносили ложные данные о добровольности решения закрыть церковь и передать ее под школу и пр.), уговаривали отдельных жителей писать заявления о разрыве с верующими, высмеивали верующих в печати, учителя в школах настраивали детей против родителей, арестовывали по многу раз и высылали батюшек, изымали богослужбную литературу, разоряли церковные библиотеки, забирали иконы, активных членов общины сажали под арест в селе... Верующих задавливали экономическими методами: давали больший, чем другим, план вылова рыбы, заготовки дров, сена и пр. Им же выделялись худшие участки для ловли рыбы на реке и земли, не пригодные для сенокосения...

Рассмотрим события, характеризующие отношения верующих с властью в национальных селах Тигильской волости и Тигильского прихода в самый активный период реализации декрета «Об отделении церкви от государства».

Почти в одно время жители корякских сел Воямполка, Лесная, Кинкиль, Палана и ительменского села Седанка обратились с заявлениями в Тигильский волревком о желании зарегистрировать группы (общества) верующих и заключить договоры о взятии в аренду своих бывших церквей, часовен и церковной утвари.

Уже закрыты все церковно-приходские школы, храмы и часовни в пятнадцати населенных пунктах, в т. ч. национальных селах Карага, Дранка, Левчик, Хайрюзово, Морошечное, Сопочное, на Командорских островах, арестованы первые священники, а вышеперечисленные православные общины, проявляя изрядное мужество и волю, преодолевая нажим сельревкомов, которым не терпится отпартовать, что с «опиумом для народа» в их селах покончено, пытаются проверить на деле, как действует параграф декрета, декларирующий демократические начала в религиозном вопросе и гарантирующий право на полную свободу исповедовать православную веру.

Просьбы прихожан указанных сел о регистрации пришли в волревком в трудное время для руководителей этого советского органа. Дела с реализацией декрета «Об отделении Церкви от государства» на территории шли из рук вон плохо. Работа начата недавно, опыта никакого, да и с грамотностью у аппарата, очевидно, не все в порядке. Председателем волревкома был Иван Андронович Шпагин. Один за другим приходили в его адрес раздраженного тона реляции из Отдела управления губревкома о недостатках в работе волревкома по реализации декрета «Об отделении...». Причем указывали на мелкие недостатки, неправильно оформленные документы. И было от чего раздражаться. В условиях Камчатки начала 1920-х гг. пересылка документов отнимала много времени. По-

что в основном возили зимой на нартах, а летом доставляли только с морской нерегулярной оказией. Телеграфом же можно было передать только короткое сообщение. Это сильно затягивало время.

«РСФСР НКВД

Отдел Управления Камчатского Губернского Революционного Комитета

20 августа 1924 г. № 4661

Тигильскому волревкому

Административное Отделение разъясняет, что договор, заключенный между вами и группой верующих[,] необходимо выслать в трех экземплярах, а не в одном, в виду чего следует еще дослать два экземпляра.

В дальнейшем руководствуйтесь циркуляром отдела управления № 1207 от 14 марта с/г» (4).

Через полмесяца предволкома получает и вовсе «разнос» с предупреждением, датированный 6 сентября 1924 г. за № 5107:

«...О принятии энергичных мер для окончательного проведения в жизнь декрета... Отдел Управления[,] считая, что по ревкомам губернии выслано достаточно руководящего материала по отделению церкви от государства, предлагает принять самые энергичные меры для окончательного проведения в жизнь декрета.

Дальнейшая медлительность в проведении декрета будет считаться как халатное отношение к исполнению распоряжений вышестоящих органов власти...» (там же).

Еще в одном пакете «О высылке недостающего материала для регистрации групп верующих в сел. Кинкиль и Лесной» (№ 5518 от 25 сентября 1924 г.) вновь безапелляционный тон. Правда, с требованием срочно исправить ошибки бывшего Паланского волревкома. Но от этого не легче.

«Бывш[им] Паланским волревкомом препровожден в Отдел Управления материал для регистрации групп верующих в с. Лесной и с. Кинкиль, т. к. высланного материала для регистрации недостаточно, Отдел управления предлагает дослать...» [далее перечень недостающих документов] (4, л. 11.)

В заключение письма предлагается «еще раз» при посылке в Отдел управления материала по регистрации строго руководствоваться высланной на этот счет инструкцией.

Следом приходит аналогичный циркуляр о нехватке «...материала для регистрации группы верующих в сел. Паллана»... (4, л. 25).

Торопится Отдел управления губревкома, подгоняет местные органы. С него тоже строго спрашивает руководство. В октябре, уставший от напоминаний об одном и том же систематическом нарушении инструкции, Отуправ (аналог управления делами) ставит «на вид» волревкому. Это звучит как последнее предупреждение (4, л. 25об.)

А у предволкома не только недостатки в работе собственного аппарата, но и на местах представлены слабые кадры. Шпагин, со своей стороны, распекает сельревкомы, некоторые из них не только слабо проводят политику партии и соввласти по «Отделению церкви...», но еще и помогают местным религиозным общинам:

«Всем сельревкомам Тигильской волости

СССР Тигильский волревком 24 октября 1924 г. № 49 с. Тигиль.

Не смотря на то, что отделение церкви от государства произведено в 1917 году, некоторые сельревкомы до сих пор ставят своей задачей предоставлять попу через сельревкомы, в уплату ему за службу, рабочих (сторожей). Данное явление носит характер эксплуатации и является в высшей мере ненормальным. В дальнейшем сельревкомам надлежит в религиозные вопросы не вмешиваться, каковые носят совершенно частный характер и касаются только религиозного общества, каковое может... [содержать] сторожей и т. п. только за свой счет, а не... за счет сельских [ревкомов]...» (4, л. 29об).

Предревкома допускает политическую ошибку в своем циркуляре, отправленном «всем сельревкомам». Все инструкции и другие нормативные документы твердят, настраивают органы власти на то, что Церковь – субъект классовой борьбы, Церковь – «контрреволюционная организация», «враждебная советской власти». А председатель в своем письме советует «...в религиозные вопросы не вмешиваться, каковые носят совершенно частный характер и касаются только религиозного общества».

И. А. Шпагину не дают покоя успехи в антирелигиозной кампании его южного соседа – Хайрюзовской волости, опыт его ставят в пример всем председателям волревкомов и сельревкомов. Негласное соревнование «Кто быстрее покончит с религией!» в самом разгаре.

Хайрюзовский коллега уже давно доложил, что «...отделение церкви от государства закон-

чено полностью в лето 1924 года. Групп верующих в волости нет. Хайрюзовская церковь обществом передана под школу. В остальных селениях от пользования часовнями и содержания таковых население отказалось. Часовня в Сопочном за ветхостью с решения Губотуправ сломана, годный материал употреблен для общественных построек. Часовня в Утхолке так же ни для каких целей в виду ветхости приспособлена быть не может[,] и общество возбудило ходатайство о ломке таковой. Более или менее исправными и новыми являются здания Ковранской и Морошечной часовен, которые ни под какие нужды обществом не используются...» (4, л. 31–31об).

Такая работа не остается без поощрения.

Вот в таких условиях граждане корякских национальных сел Палана, Лесная, Кинкиль, Воямполка и ительменского села Седанка изъявили свое желание зарегистрировать свои религиозные общины и принять на свое попечительство отнятые у них же церкви и часовни.

Более подробно проиллюстрируем происходящее на Камчатке на примере национальных сел Воямполка и Седанка.

Село Воямполка не такое уж и маленькое среди национальных сел. В нем в 1926 г., согласно Приполярной переписи (1926–1927 гг.), жили 145 человек, среди которых 30 были грамотными. В селе было 26 хозяйств, 9 домов русского образца и 15 деревянных юрт, часовенка. Все население – оседлые («береговые» или «приморские») коряки (4).

Православие воямпольские коряки приняли в 30–40-е гг. XIX в., когда были построены церкви в с. Лесная, а затем в с. Палана и образован Лесновский (переведен затем в Палану) приход. Крестил их священник Стефан Попов-Вениаминов – брат свт. Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского.

Оригинально заявление воямпольцев. Его «подписали», здесь более подходит выражение «дали согласие», чтобы их имена прозвучали в качестве учредителей группы верующих, ибо из шести человек пятеро оказались неграмотными. Очевидно, это старики – безгранично уважаемые на Севере люди. Им-то и доверено выступить учредителями православного общества. В этом же можно усмотреть и дипломатический ход сельчан, не желающих подставлять под удар власти более молодых земляков. Вдруг начнут принимать меры? А со старого что возьмешь, да и еще с безграмотного?

«Тигильскому волревкому

Верующия гражд[ане] селения Воямполка 27 апреля 1925 года

Заявление

Мы[,] верующия граждане селения Воямполка[,] просим разрешения организовать в селе Воямполке религиозное общество.

В чем и подписуемся[:] учредительные лица Иван Осипович Панкарин по неграм[отности] [и] его личной просьбе расписался С. Черных[,] Егор Яковлев[,] Панкарин[,] по неграм[отности] [и] его личной просьбе расписался С. Черных[,] Василий к[К?] Па[н]карин[,] по неграмот[ности] [и] его личной просьбе расписался Н. Баран[н]иков[,] Вонифатий И. Шмагин[,] по неграм[отности] [и] его личной просьбе расписался Н. Баранников[,] Василий Афанас[ьевич] Баран[н]иков[,] по неграмот[ности] [и] его личной просьбе расписался Н. Баранников[,] Варфол[омей] Лукич Лазуков» (4, л. 33–40).

«СССР учредители воямпольской часовни

3 июня 1925 г. № 1

Тигильский волревком

При сем представляются часовенные списки, 1[.] устав, 2[.] договор, 3[.] акт, 4[.] заявление, 5[.] учредительных списков всех № 4, 6[.] протокол № 1 собрания верующих граждан села Воямполка, а всего представлены 9 экземпляров во всех списках по 4 экземпляра приложением 9 штук экземпляров[,] при сем один список № 4 Служителей[.] Подписи ни каких лиц не подписанные.

Почему и просим волревком[:] предложите служителю отцу Николаю Мирошкину, а так же и псаломщику[,] что бы они могли бы дать свои личные подписи, так как они должны быть служителями при нашей часовне.

Учредители воямпольской часовни Ворф. Лукич Лазуков

Члены Н. Баранников».

Резолюция: «Выслать воямпольскому религиозному обществу через сельревком копию заявления Мирошкина и Брагина[,] предложить дослать список священнослужителей» (4, л. 68).

У нас есть возможность подробнее ознакомиться с технологией регистрации религиозного общества и условиями его функционирования в период государственного, официального признания Церкви легальной, враждебной советской власти организацией и бескомпромиссной борьбы в связи с этим не только за отделение Церкви от государства, но и верующих от Церкви. На примере итель-

менского с. Седанка это наглядно иллюстрирует почти полный набор документов, сохранившихся в Камчатском краевом государственном архиве.

Седанка по количеству жителей поменьше, чем Воямполка. Приполярная перепись насчитала здесь всего 90 человек, они содержали 15 хозяйств, жили в 16 домах, срубленных по русскому типу. А вот по грамотности седанкинцы опережали воямпольцев. Грамотными были 40 ительменов, считай, половина села, если вычесть малых детей. На околице села неизменные амбары (23 шт.) и юкольники – по 2 на каждое хозяйство.

«Стажем» стояния в православной вере жители Седанки были поопытнее воямпольцев. Знакомство ительменов западного побережья Камчатки с русской культурой и религией началось со строительством церквей на р. Иче (Вознесения Господня, 1752 г.) и в Тигильском остроге (Рождества Христова, 1753 г.). Их первыми духовными отцами стали миссионер архимандрит Пахомий, Иван Чудинов и Тимофей Уваровский.

«Договор

(Курсивом набрано то, что в подлиннике написано от руки. Остальное – машинописный текст. Представленный документ является бланком типового договора, который представляется органами власти и заполняется верующими)

Мы, нижеподписавшиеся граждане *селения Седанка Тигильской волости*, имеющие в нем свое место жительства, заключили настоящий договор с Тигильским волревкомом в лице его полномочного представителя председателя Ивана Андроновича Шпагина в том, что 23 числа мая месяца 1925 года приняли от Тигильского волревкома в бессрочное, бесплатное пользование находящиеся в селении Седанка... часовню с богослужебными предметами по особой, нами заверенной своими подписями, описи на нижеследующих условиях:

1. Мы, нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению, принимая на себя ответственность за целостность и сохранность врученного нам имущества, а также за соблюдение лежащих на нас по этому соглашению и иных обязанностей.

2. Храмами и находящимися в них богослужебными предметами мы обязуемся пользоваться и предоставлять их в пользование всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения религиозных потребностей.

3. Мы обязуемся принять меры к тому, что бы врученное нам имущество не было использовано для целей, не соответствующих ст. ст. 1 и 2 настоящего договора. В частности[,] в принятых нами в заведование богослужебных помещениях обязуемся не допускать:

- а) политических собраний враждебного Советской власти направления,
- б) раздачи или продажи книг, брошюр, листов и посланий, направленных против Советской власти и ее представителей,
- в) произнесения проповедей и речей, враждебных Советской власти или ее отдельным представителям,
- г) совершения набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти, ввиду чего мы обязуемся подчиняться всем распоряжениям местного волревкома относительно распорядка пользования колокольнями.

4. Мы обязуемся из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храма *сел. Седанки* и находящихся в нем предметов как-то: по ремонту, отоплению, страхованию, охранению, по оплате налогов, местных обложений и т. п.

5. Мы обязуемся иметь у себя инвентарную опись всего богослужебного имущества, в которую должны вносить все вновь поступающие /путем пожертвований, передачи из других храмов и т. п./ предметы религиозного культа, не представляющие частной собственности отдельных граждан.

6. Мы обязуемся допускать беспрепятственно во внебогослужебное время упо[лномоченных волревкома и сельревкома]...

7. За продажу и порчу переданных нам предметов мы несем материальную ответственность солидарно, в пределах ущерба, нанесенного имуществу.

8. Мы обязуемся в случае сдачи нами принятого имущества возвратить его в том самом виде, в каком оно было принято нами в пользование и на хранение.

9. В кладбищенских храмах и на кладбищах мы обязуемся сопровождать своих единоверцев, в случае желания заинтересованных лиц религиозными обрядами, в смысле торжественности,

одинаковыми для всех и за одинаковую для всех без исключения граждан плату, размер которой должен быть нами ежегодно объявлен во всеобщее сведение.

10. За не принятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора, или же за прямое его нарушение мы подвергаемся уголовной ответственности по всей строгости революционных законов; при чем договор этот волревкомом может быть расторгнут.

11. В случае желанья нашего прекратить действие договора, мы обязаны довести это письменно до сведения волревкома, при чем в течение недельного срока со дня подачи волревкому такого заявления мы продолжаем оставаться обязанными этим договором и несем ответственность по его выполнению, а также обязуемся сдать в этот период времени принятое нами имущество.

12. Каждый из нас[,] подписавший договор, может выбыть из числа участников договора, подав о том письменное заявление волревкому, что, однако[,] не избавляет выбывшее лицо от ответственности за весь ущерб, нанесенный народному достоянию[,] в период участия выбывшего в пользовании имуществом до подачи волревкому соответствующего заявления.

13. Никто из нас и мы все вместе не имеем права отказать кому бы то ни было из граждан, принадлежащих к нашему вероисповеданию и не опороченных по суду, подписать позднее сего числа настоящий договор и принимать участие в управлении упомянутым в сем договоре имуществом на общих основаниях со всеми его предписаниями.

Подлинный сей договор хранится в делах Тигильского волревкома, а засвидетельствованная надлежащим образом копия с него выдается группе граждан, подписавшихся под ним и получивших по описи в пользование богослужебные здания и находящиеся в них предметы[,] предназначенные для религиозных целей.

23 мая 1925 г.

Селение Седанка» (4, л. 41–48).

Главный смысл политики государства, объявившего беспощадную войну Русской православной церкви, в предоставлении права удовлетворять религиозные потребности верующим в первые годы своего властвования заключался в том, чтобы не спровоцировать народ к восстанию против богоборчества по всем городам и весям одновременно... И потому политика уничтожения религии была растянута во времени. С одной стороны, верующие постепенно привыкали к новым порядкам, а с другой, укреплялась год от года власть.

Типовой «Договор» направлен на организацию духовной жизни, которой управляют теперь в сельсоветах и волревкоммах:

а) на исключение даже теоретических предпосылок превращения молитвенных собраний группы, общества верующих в акты политические (собираться воедино всем селом по причинам, не связанным с нуждами строительства нового государства да еще без санкции власти – прямое покровительство в создании идеальных условий для контрпропаганды и контрреволюции);

б) на сохранность всего имущества, в первую очередь зданий и помещений, которые рано или поздно все равно перейдут в «народную собственность»;

в) на зарабатывание для государства денег. Теперь община должна все требы, которые совершались бесплатно или за минимальное добровольное пожертвование, образно выражаясь, «продавать», оказывать за деньги и платить налоги, платить за государственное страхование зданий и помещений, за землю, на которой стоит церковь, и т. д.»

В наборе обязательных документов есть акт приема, по которому верующим передавались в аренду помещения церковей или часовен, богослужебное имущество, утварь, убранство храмов, а также принадлежащие общине (приходу) другие здания и помещения (колокольня, амбар).

Сдающую сторону представляет предволревкома, а принимающую – религиозное общество (4, л. 68–69).

Прилагается список исполнительного органа (совет группы верующих) Седанкинского религиозного общества, список священнослужителей и устав седанкинского религиозного общества.

Устав, как и договор, является типовым документом, разработанным властью. Обратим внимание на два пункта «Устава»:

Первый из них (I.2.5), по которому религиозное общество теперь «*назначает служителей культа для совершения религиозных обрядов*». Это значит, что отныне общество, назначая священника, становится его работодателем и в какой-то мере его руководителем. Все в канонической иерархии Русской церкви поставлено с ног на голову. Как показывают представленные документы, кандидатура священника должна согласовываться с волревкомом. Таким образом, не только приход оторван от епархии, но и прихожане отдельных сел отделяются от руководства их жизнью приходским священником.

Второй пункт (VI.11.2), по которому общество может быть закрыто «...вследствие ареста части членов общества». Так, в типовом бланке «Устава», утвержденном ВЦИК, черным по белому записано, что предполагаются аресты. Этим готовят верующих к предстоящим грозным событиям и запугивают одновременно (4, л. 49–55).

Какой же должна быть сильной у людей вера в Бога, чтобы они даже в таких драконовских условиях регистрации не дрогнули, не испугались, решились объединиться сами по новым правилам и возратить, пусть и в аренду, отнятую у них часовенку.

Абсолютно новым для верующих стало вводимое в общинах, обществах и группах верующих самоуправление. Теперь батюшку можно пригласить только на богослужение и для исправления треб. А община духовно и организационно должна отныне жить самостоятельно.

В заявлении об их регистрации седанкинская группа верующих перечислена поименно. История оставила их имена для потомков.

«Тигильскому волостному революционному комитету

Группы верующих с. Седанки.

Заявление

Настоящим общество верующих с. Седанки просит его как такового зарегистрировать при Камчатском Губревкоме.

С. Черных (Е. Притчин) (так в документе, очевидно, Е. Притчин расписался за безграмотного С. Черных. – А. Б.) / Федотова Д. / Федотов Стратилат / Фл[ор] Слободчиков / Егор Понамаров / Федотов Елисей / Юмина Татьяна / Данил Запороцкий / В. Черных / А. Федотов / Анна Федотова / Ксения Черных / Аграпина Юмина / Т. Понаморев / Пр[итчин] Степан / Ел. Притчик (вероятнее, Притчин. – А. Б.) / Гри[горий] Федотов / Мавра Федотова / Федотова Татьяна / Федотова Варвара / Черных Кирилл / Черных Стефанида / Притчина Анна / Л. Бекерева / Слободчиков Никанор / Слободчиков Ефрем / Слободчикова Ираида / Бекерев Автаном / Притчин Евфимий (он заявлен в списке священнослужителей, очевидно, как псаломщик. – А. Б.) / Притчина Ксения / Бекерева Ирина / Бекерев Саватий / Анастасия Черных / Екатерина Бекерева / Пелагия Бекерева / Петр Запорожский / Акулина Слободчикова / Мария Запорожская (более вероятно, что их фамилия Запороцкий(ая), а не Запорожский(ая) – А. Б.) / Понамарева Александра / Бекерова Матрона / Бекеров Евграф / Федор Бекерев / Иван Притчин / Татьяна Притчина / Запорожский Гаврил / Степанида Понаморева (неграм., расписался Харлам) / Нина Слободчикова / Бекерева Мария / Евдония Федотова / Е. Притчин (очевидно, Притчин. – А. Б.)» (там же).

На собрании прихожан с. Седанка настоятель Тигильского прихода отец Николай Мирошкин не присутствовал. Был конец мая. В это время из Тигиля попасть в Седанку или в любое другое место невозможно из-за распутицы. Была и вторая причина. О ней мы говорили выше. Теперь он не являлся руководителем сельских общин, и на организационном собрании присутствие его было не обязательно. Батюшку же в это время усиленно обрабатывали в волревкоме. Мы не знаем, что говорил настоятелю предволревкома Шпагин и как на него воздействовал, но в последний день мая 1925 г. появилось «отказное» заявление настоятеля.

«Тигильскому волревкому

Получено 31.05.1925 г.

Заявление

Настоящим заявляю, что сан священника я снимаю. Делаю это по собственному убеждению и доброй воле, почему прошу Тигильский волревком поставить в известность всех граждан[,] чтобы с этого времени не считали меня священником, а обыкновенным[,] как и все[,] гражданином.

31 мая с. Тигиль

Гражданин Николай Александрович Мирошкин» (4, 74–74об.).

Обрадованный председатель Тигильского волревкома И. А. Шпагин без промедления, буквально на следующий день, отправляет сообщение в Седанку, местной общине в с. Тигиль, а в Воймполку – 3 июня 1925 г. Можно только удивляться той скорости, с которой заявление (или копия) священника о снятии с себя сана было доставлено в Седанку. Уже 8 июня это событие обсуждали на своем собрании седанкинцы.

«РСФСР НКВД Тигильский волревком 1 июня 1925 г. № 668

Седанкинскому сельревкому № 692

Тигильскому Сельревкому

Препровождая на обороте сего копию заявления Тигильского священника Мирошкина о снятии им с себя сана священника, волревком предлагает вам поставить об этом в известность граждан сел. Тигиль» (4, л. 80).

А еще через два дня, очевидно, получив дополнительные консультации в губернских структурах, предволревкома отослал в Седанку приказание «довыслать [в волревком] список священнослужителей».

«РСФСР НКВД Тигильский Волревком 3 июня 1925 г. № 701

Седанкинскому Сельревкому

Религиозное общество сел. Седанка недовыслало список учредителей и ввиду отказа Мирошкина от сана священника[,] так же надлежит довыслать список священнослужителей. Указанные материалы вам надлежит взять от религиозного общества и выслать волревкому при первой возможности» (4, л. 80).

Отказ от сана любимого батюшки был оглушительной неожиданностью для прихожан седанкинской группы верующих. Несомненно, что при редких теперь встречах отец Николай убеждал их взять в аренду часовенку, не оставлять ее сиротой, обещал чаще навещать к ним. Не исключено, что обещал помогать в содержании помещения... И вдруг!.. Сразу же после собрания пришла такая печальная новость!

Спустя всего две недели после принятия непростого решения, идущего вразрез с политикой государства, 50 ительменов с. Седанка вновь, в последний раз в качестве религиозной группы, собрались в родной часовне для принятия еще более сложного решения.

Собрания верующих по законодательству проводятся только с разрешения вол- или сельревкома. И давая такое разрешение, седанкинский председатель, прочитав реляцию из волости и заявление священника о снятии сана, не упустил, думаю, возможности «поагитировать» и посоветовал председателю собрания верующих Бекеру и члену правления Слободчикову убедить земляков в необходимости отказа.

Теперь их коллективная воля должна зафиксировать отказ от часовни и от всего, что в ней, как бы добровольно. Однако, как видим, их к этому принудили объективные обстоятельства: давление волостного и сельского ревкомов и отказ от сана священника и псаломщика.

Заметим, что волревком в своем отношении как бы не ставит вопрос о закрытии часовни. И. А. Шпагин «попросил», «посоветовал», «порекомендовал» всего лишь «довыслать список священнослужителей», без которых регистрация общества невозможна.

Но где же взять священника? Казалось бы, это не должно быть неразрешимой проблемой в условиях закрытия многих приходов. Но высвобождаемые от обязанностей батюшки арестовывались и высылались с территории полуострова. Священников и так было по одному на пять-семь и более сел, а тут их число быстро пошло на убыль.

Ниже публикуется документ, зафиксировавший для истории это печальное событие.

«Протокол № 2

Копия

Общего собрания группы верующих сел[ения] Седанка, состоявшегося 8-го Июня 1925 года. Присутствует 50 человек. Пред[седатель] собрания Бекеров. Секретарь Слободчиков.

Слушали:

Оглашение заявления священника Мирошкина о снятии им с себя священнического сана, препровожденного волревкомом при отношении от 1-го Июня с/г. № 692 о досылке Волревкому дополнительных материалов по отделению церкви от государства.

Постановили:

Во изменение протокола № 1 общего собрания гр[аждан] верующих селения Седанка от 23 мая с/г. от принятия на себя седанкинской часовни [решили] отказаться и передать таковую седанкинскому сельревкому со всем имеющимся в ней имуществом» (4, л. 82).

Добавим к этому, что в это же время снял с себя обязанности и псаломщик Тигильской церкви Емельян Иннокентьевич Брагин.

«В Тигильский волревком

Гражданина Емельяна Брагина

Получено 1.05.1925 г.

Заявление

Согласно моего заявления с настоящего 1-го июня 1925 г. в должности псаломщика Тигильской церкви более не состою, о чем и сообщаю в волревком для сведения.

Гр[ажданин] Е. Брагин.

Июня 1-го дня 1925 года» (там же).

Трагедия! Верующие, уже принявшие решение зарегистрироваться и принять под свое по-

печительство часовню, по оглашении заявления священника о сложении с себя сана, озадаченные и подавленные, подталкиваемые председателем сельревкома, вынуждены были отказаться от своего намерения и отменить свое решение, зафиксированное в первом протоколе. Они не знали, как им жить духовно без священника.

Власть получила бесценный материал для контрпропаганды!

Что же случилось? Ведь это о нем, Николае Мирошкине, докладывало Тигильское волостное руководство в своем секретном докладе Губревкому и ГПУ восемь месяцев назад (см. выше), что и «...в настоящее время[,] проезжая по камчадалским селениям[,] встретишь в каждом доме верую[,] и все стены оклеены церковным писанием... если бы не было попов[,] то в некоторых селениях[,] более отсталых, православная религия быстро бы умерла...» (4, л. 95).

Это высшая степень похвалы и признание авторитета священника советской властью.

Не ошибусь, предположив, что священника Николая Мирошкина усиленно обрабатывали именно в период, когда лесновцы, паланцы, воямпольцы, кинкильцы и седанкинцы готовили документы и проводили собрания о принятии церквей и часовен в аренду. Священника уговаривали, «уломали», запугали в Тигильском волревкоме, скорее всего, в отделении НКВД-ГПУ. Время решения прихожан сел Воямполка и Седанка сохранить свою часовню и время отказа Николая Мирошкина от сана практически совпадают.

Двадцативосьмилетним молодым человеком о. Николай после окончания пастырских курсов в 1913 г. назначен на должность настоятеля одной из самых старых церквей Камчатки – Тигильской Христорождественской. Назначение состоялось в год 160-летия церкви. Более чем за десять лет службы в Тигильском приходе заработал непререкаемый авторитет среди прихожан. Тигильский приход особый. Его духовные дети в основном коренные жители. А это налагает на священника особую ответственность. Об этом непременно сказал ему при назначении его высокопреосвященство архиепископ Владивостокский Евсевий. И он старался.

С установлением власти Советов ему предложили сложить с себя обязанности священника, уговорить других членов клира и прихожан и начать сотрудничество с властью. Как грамотный человек он получил бы «теплое и хлебное место». Но в его приходе традиционно была «...особенно крепка православная религия...», которая укреплялась и его трудами. И, конечно, священник отказался.

Его лишили избирательных прав в самом начале кампании по отделению Церкви от государства. В «Именном списке лиц, не имеющих права избирать и быть избранными в сельские и городские советы Тигильской волости Петропавловского уезда Камчатской губернии, согласно ст. 65 Конституции РСФСР» за 1923–1924 гг. священник Николай Мирошкин числится под № 9, т. е. в первом десятке. В этом «черном» списке перед ним несколько «кулаков-эксплуататоров», несколько «чуждых элементов» с семьями. Не зря его так «ценили» в волревкоме и местном отделе НКВД (4, л. 94–95).

В «Посемейном списке граждан Тигильского сельского общества Тигильской волости Петропавловского уезда Камчатской губернии» на 1 января 1924 г. между № 28 и № 29 вписан Николай Александрович Мирошкин, 1885 г. р., и его жена Анна Владимировна, 1890 г. р. У них двое детей: Евсталия, 1910 г. р., и Елена, 1919 г. р. (4, 101об.–102).

Позже в список «лишенцев» внесли и псаломщика Емельяна Иннокентьевича Брагина.

Как видим, за свой «добровольный» отказ от сана священник и псаломщик не получили от власти никаких привилегий и поблажек. Это, пусть и косвенное, но доказательство того, что не добровольно сняли с себя сан тигильские священник и псаломщик.

Но Седанкинская часовня в 1925 г. не была закрыта. Ее история имела продолжение. Это случилось только через год, 8 июля 1926 г. Затем это решение было отменено 28 октября 1926 г. Религиозная группа вновь была зарегистрирована и часовня взята в аренду в 1927 г. (4, л. 123).

Но позже регистрация группы верующих была аннулирована, часовня закрыта окончательно и передана сельсовету под канцелярию.

Отдадим должное стойкости коряков и ительменов в защите своих прав в духовной сфере.

1. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. В 2-х ч. / сост. М. Е. Губонин. М. : Православный Свято-Тихоновский институт, Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. С. 999.

2. Обзор [статистический] Камчатской области за 1912 год. Петропавловск-на-Камчатке. Тип. М. М. Пономарева. 1914. 23 с.

3. *Белашов А. И.* Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии. Кн. Третья. XX век. Смерть и

воскресение. Петропавловск-Камчатский : Изд. «Камчатпресс», «Скрижали Камчатки», 2009. С. 182–189, 210–216.

4. ГАКО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2а.

5. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2306. Л. 275.

Е. А. Беседа СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ

Знать о нём возможно более подробно – долг всякого русского человека, потому что такие люди, как архиепископ Николай, гордость и украшение своей страны.

А. Платонова (1)

С давних времён люди устремлялись в неведомые земли. Территории были не изучены, и их предстояло исследовать. Такие поездки требовали напряжения душевных и умственных сил, невероятной выносливости. По традиции, которая уходила корнями в эпоху Петра I, будущие наследники российского престола хотя бы раз в жизни должны были совершить длительное путешествие по миру в образовательных целях. Огромные расстояния по суше и морю приходилось преодолевать и российским миссионерам. Они старались вселить православную веру в душу других народов. Вся Россия знала о миссионерском служении святителя Иннокентия (Вениаминова) – путешественника, переводчика, основателя городов, строителя храмов. Святитель Николай Японский (в миру Иван Дмитриевич Касаткин) избрал местом миссионерского служения Страну восходящего солнца.

1 (14) августа 1836 г. в семье сельского диакона Вельского уезда Смоленской губернии Дмитрия Касаткина родился мальчик Ваня. Места эти славились богатыми лесами, бурной речкой Березой, величественным храмом, возвышающимся над селом. Здесь же находились родовые имения адмиралов Скрьдловых, Васильевых, знатного помещика Рачинского... С отроком Леонтом Скрьдловым Иван Касаткин водил дружбу. Отец Леонта и Николая Скрьдловых, морской офицер Илларион Николаевич Скрьдлов, был известен и как создатель Кронштадтской Морской библиотеки. Иван ходил в народную школу, которую содержала семья Рачинских. «Ровесники спрашивали Ивана: “Отцовскую ляжку тянуть будешь?” На что он отвечал: “Моряком стану. Думы мои на море наострены”» (2, с. 4).

Но отец Вани отвратил мечты своего сына от судьбы моряцкой, и бойкий парнишка был послан учиться в Вельское духовное училище, а затем в Смоленскую духовную семинарию. Иван закончил её с отличием – и не только от усердия, но и от понимания, что средств к дальнейшему его образованию у отца нет.

В августе 1857 г. Иван Касаткин в числе лучших учеников отправился в Санкт-Петербургскую духовную академию. «Спустя годы семинариста Касаткина, ставшего студентом престижного учебного заведения, посетил Леонтий Скрьдлов, выпускник Морского кадетского корпуса. И с порога вопрос с подковыркой: “Ты же, Иван, мечтал хлебать матросский борщ? Как же так?” Касаткин ответил достойно: “Бороздить моря и океаны можно и корабельным священником”» (2, с. 4).

В канун окончания 4-го курса на доске учебных расписаний появилось объявление Святейшего Синода, в котором говорилось, что в далёком японском городе Хакодате открылась вакансия священника при Российском императорском консульстве. Желавшие посвятить себя миссионерству во имя Православной церкви, могут подать прошение в Санкт-Петербургскую патриархию. В своё время на юношу произвели сильное впечатление воспоминания Головнина о Японии, но только во время богослужения в храме ему вдруг стало совершенно ясно, что это Сам Господь призывает к служению в далёкой восточной стране. Не отпугнуло Касаткина и жёсткое требование, выдвинутое консулом в Хакодате Иосифом Антоновичем Гошкевичем, к кандидату на вакансию. После богослужения Иван Касаткин направился к ректору академии, преосвященному Нектарию, и заявил ему о своём желании ехать в Японию, но не женатым священником, а монахом (по свидетельству будущего просветителя Японии, ему до того времени никогда и в голову не приходила мысль о монашестве). Молодой человек учился блестяще и в академии; предполагалось, что он останется при академии для подготовки к профессорской деятельности. Ректор академии очень сочувственно отнёсся к порыву юноши и доложил о его желании митрополиту.

Однокурники по академии всегда знали Ивана Касаткина как веселого и жизнерадостного